

Анастасия
МАШКОВА

Анастасия
МАШКОВА

Любовь
по солнечным часам

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М38

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Компьютерный дизайн *Анастасии Орловой*

Машкова, Анастасия Владимировна.

М38 Любовь по солнечным часам : [роман] / Анастасия Машкова. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Люблю, жду, верю. Романы Анастасии Машковой).

ISBN 978-5-17-090914-8

Надежда Бессонова, героиня романа, проживала, как ей казалось, весьма благополучную, стабильную семейную жизнь. Пока... не узнала, что ее любимый муж, ради которого она пожертвовала очень многим, изменяет ей с лучшей подругой. В один миг она лишилась сразу — мужа, подруги и работы. Но чтобы начать новую историю, надо освободиться от старой, и героиня решает уехать из города в Михайловское, к родне. И там ее поджидают неожиданные приключения и новые встречи, которые изменят ее жизнь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090914-8

© Машкова А.В., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Надя Бессонова никак не могла поймать взгляда этой суетливой женщины – секретарши мирового судьи. Та все переключала бумагу на столе: правую стопку – налево, левую – направо. Наконец она схватила нужный листок.

– Так, если ваше намерение неизменно, подписывайте и ждите решения. Заседание – восьмого августа. Вы, я думаю, не собираетесь на нем присутствовать? Это ведь уже для вас формальность? О вердикте узнаете по телефону.

Секретарша подвинула Бессоновым заявление и забарабанила ногтями по картонной папке с тесемками. Очередные претенденты на развод явно отвлекали ее от более насущных дел.

– Ну, все равно... Можем и присутствовать, – промямлил Егор.

Надя отметила, что у него появилась странная манера поджимать по-стариковски нижнюю губу. От этого его лицо жалко скукоживалось.

Секретарша фыркнула, едва взглянув на Бессонова:

– Это мне, уважаемый, все равно! А ответчице, может, не все равно!

И снова Надя не успела разглядеть ее глаз. Сказала прилизанной макушке:

– Да! Мы подписываем. На суд не пойдем.

– Ну и ладненько, – с облегчением вздохнула секретарша, подняв голову. Она внимательно посмотрела на Надю и... ободряюще подмигнула. У нее оказались карие глаза с поволокой. Усталые и печальные.

Егор, выведя закорючку под документом, что-то буркнул и покинул кабинет. Надя долго примеривалась, прежде чем подписать согласие. Строчки плясали перед глазами. Непослушную ручку пришлось сжать до боли в пальцах.

«Да, я в ответе за все. Я в ответе... Я – ответчица», – пронеслось в голове, и Надя наконец смогла вывести свою фамилию. Все! Больше не нужно сопротивляться

натиску истца. Какое гадкое слово. Хуже, чем словосочетание «бывший муж». Впрочем, разве этого человека со сморщенным напряженным лицом она знала как мужа? Знала целых шестнадцать лет? Морок, помрачение... Наверное, мама права, давая всему происходящему мистические определения. Все вокруг Нади правы, разумны, снисходительны. Если бы только ей от этого было легче.

– Все пройдет зимой холодной! Вы так красивы, что еще поблагодарить должны своего... гоблина за развод. Найдете теперь стоящего, – зло и веско высказалась секретарша.

Надя улыбнулась ей. Как понять, кто стоящий, кто нет? Муж вот был для Нади таким – настоящим, надежным. А вон как обернулось. И до зимы еще нужно дожить. Выживать бесконечных полгода...

Егор курил на крыльце. «Господи, он еще и сутулиться стал!» – поразила новому открытию Надя. Наверное, нужно что-то сказать напоследок, но этот комок, появившийся в глотке, никак не проталкивался, душил.

– Надежда, если хочешь, я подвезу! И Маша?! – крикнул Егор.

– Маши нет дома, она у подруги на даче, – хрипло откашлявшись, сказала Надя. И вдруг, вздернув голову, решительно подошла к... мужу.

– Это так жестоко, неправильно, что я даже представить не могу, что ты будешь чувствовать, когда опомнишься, – сказала она тихо.

– Ты снова мне угрожаешь? – с вызовом произнес Егор, швыряя окурок в урну.

– Не то, Егор! Все не то...

Больше она сдерживаться не могла и побежала к метро. Слезы жгли глаза, щеки, рот.

Егор Бессонов был для нее когда-то романтическим героем, таким рыцарем без страха и упрека. Искренний, верный, целеустремленный, образованный, из интеллигентной московской семьи, но главное – любящий. Казалось, бесконечно любящий свою Надежду.

Познакомились они, правда, при обстоятельствах отнюдь не романтических – около кабинета стоматолога. Надина подруга детства Валюшка выучилась на зубного врача и работала в частной клинике. В тот день Надя заехала за подругой к концу сме-

ны, чтобы вместе отправиться в кино. Она поджидала Валю в холле, листая журнал.

Распахнулась дверь, и из кабинета вышел крепкий молодой шатен с мученическим бледным лицом. За ним выскочила Валюшка.

– Прилягте на диван! Сейчас отпустит... Что же вы не знаете про свою реакцию на обезболивающее? – суетилась вокруг пациента подруга, которая и сама казалась белее ватманского листа.

– А я не помню, когда зубы в последний раз лечил. Если бы не этот зуб мудрости, о-ох, – скривился пациент.

– Ну, не получше? Антигистаминный препарат сейчас, вот сейчас поможет. Как?! Нет удушья? – паниковала Валюшка.

– Да, кажется, отлегло, – кивнул парень. – Не беспокойтесь, все вроде нормально.

Валя подошла к Надежде, зашептала, брызгая слюной:

– Покарауль его, вдруг что? И администраторша, как назло, заболела! Только аллергии мне не хватало! Лимонова меня убьет, если узнает. Ну все, я пошла собираться.

И она, виновато улыбнувшись пациенту, юркнула в кабинет.

— Давайте я вам водички налью, — предложила Надя, с сочувствием глядя на симпатичного страдальца.

— Спасибо, — кивнул тот.

Надя метнулась в кухню. В клинике девушка была своей. Во-первых, нередко приходила к подруге, а во-вторых, помогла главврачу Лимоновой в деле защиты имущества при разводе. Вернее, помогла не Надя, а ее шеф, в юридической конторе которого Надя работала помощником адвоката. Но главное — все оказались довольны: шеф — денежной клиенткой, главврачиха Лимонова — отвоеванной квартирой на «Речном вокзале».

— Это, наверное, ваши руки что-то творят с водой. Нет? — с улыбкой сказал Валюшкин пациент, сделав несколько глотков.

Его щеки порозовели. Карие глаза лучились восторгом. Он открыто любовался понравившейся ему девушкой. Надя смутилась.

— Слава Богу, лекарство вам помогло, — сказала она, отводя взгляд.

— Да уж. Помереть, встретив добрую фею, не лучший финал для сказки. Вас как зовут?

– Надежда.

– А меня – Егор.

С того дня они не расставались.

Каждый день после работы Егор заезжал за Надей в ее офис на Арбате. И они шли, рука в руке, куда глаза глядят: по путаным темным дворам, по горящим витринами огней улицам, по мостам и набережным, стынущим под колким октябрьским ветром.

А однажды забрались в какую-то чащобу на Ленинских горах. Егор, прокладывая дорогу по крутому склону, тащил Надю вверх и, хохоча, предлагал заночевать или попросту остаться тут жить в землянке или шалаше из веток. Дороги-то им все равно не найти в кромешных потемках. И Надя, смеясь, принимала его слова почти всерьез, думала о шалаше и рае из глухой поговорки.

«Как я жила без него? Как?! И жила ли?..»

Они вконец продрогли, добираясь до его дома на Университетском проспекте.

А потом Надежда неумело отвечала на поцелуи и нетерпеливые прикосновения мужчины, оказавшегося неожиданно... тяжелым, властным и чужим. Она вдруг опом-

нилась, уперла руки в его плечи, пытаюсь вдохнуть полной грудью, высвободиться из жарких тисков.

– Нет, подожди...

Егор отстранился, посмотрел с недоумением, испугом.

– Что-то не так? Неприятно?

– Нет-нет. Хорошо. Я... не умею. Не знаю, как лучше... – Надя вспыхнула, заметалась, нащупывая спасительный плед.

Егор перехватил ее руку, отбросил плед. Теперь в его глазах была только нежность. И забота.

– Не бойся. Я никогда не сделаю тебе больно. Никогда в жизни.

И Надя доверилась ему. Месяц спустя Егор переехал к ней.

– Это не слишком-то прилично и не с лучшей стороны характеризует твою новопеченную избранницу и ее мать, – увещевала сына строгая матушка.

– У-ти-ти, какие мы старорежимные, – парировала Надина мама, которую дочь посвящала во все перипетии отношений с бессоновской семьей. – Лучше по углам прятаться? Пусть Егор вникает в хозяйство, приобщается к ответственности. Зять

он, видно, будет неплохой, — выносила свой вердикт будущая теща.

— Да почему ты решила, что мы поженемся? — не верила своему счастью Надежда.

— Ничего не решила. Вижу — и все. Это любовь, Надин. Любовь! — вздыхала мама с грустной улыбкой.

Дойдя до метро, Надя вдруг с ужасом подумала, как войдет в свою пустую огромную квартиру, которую так благородно пожаловал Егор бывшей жене перед разводом. Сам он решил наслаждаться покоем и одиночеством в подмосковной двушке, доставшейся ему по наследству от бабушки.

«Машка приедет только завтра... Нет, домой ехать не могу! Ну, значит, к маме. Она, конечно, ждет».

Надя спустилась в подземку. На «Киевской», как всегда, царило столпотворение. На Филевскую ветку приходилось пробиваться ледоколом. Перед людским водоворотом у эскалатора Надя оказалась внутри кучки цыганок. Тощенькая молодуха с ребенком на руках, грузная усатая тетка с тяжелым взглядом, две безвозрастные смуглянки в блестящих платках. Надя

прижала сумку к груди и опустила глаза. Только не отвечать им, только не смотреть. Именно на этой чертовой «Киевской» ее давным-давно ограбили цыганки со своим гаданием. Запугали, невообразимым образом заставили достать кошелек и умыкнули всю зарплату. Будто знали, что Надя ехала со своей первой в жизни зарплатой!

И почему с ней так всегда происходит? Украли зарплату, должность, профессию, теперь – мужа... Конечно, сама виновата. Куда как весело жить и думать, что сама виновата во всех бедах, что «несклепистая, разиня, мямля»! Надя вспомнила лицо покойной свекрови, которая день-деньской пыталась «просвещать» сына по поводу невестки. Но тогда Егор любил жену и защищал...

– Гони печаль! Счастье в толпе не ищи. Далеко отсюда, в лесу и у реки его найдешь. Уезжай! – Усатая старуха-цыганка шамкала ей в самое ухо.

Надя вздрогнула и рванулась, наконец, вверх по эскалатору. Шею заливал пот. Вырвавшись из подземки, она попыталась отдышаться. Липкое июльское марево висело над площадью. Расположенный рядом торговый центр манил прохладой

кондиционера, но Надя не могла очутиться в равнодушной толпе: смеющейся, болтающей, жующей, праздной. Она хотела остаться наедине со своим горем. И с самым близким человеком, который мог это горе разделить. Загорелся зеленый, и Надя побежала по зебре перехода к маминному дому.

В сумке запиликал телефон.

– Егор?! – Надя схватилась за трубку, будто утопающий за соломинку.

Нет, это была Валюшка.

– Как ты, что не звонишь?! Как все прошло? – затараторила ее лучшая подруга.

– Ужасно и быстро. Зато я теперь приблизительно представляю, как действует гильотина. Хрясть – и жизнь кончена.

– Господи, Надь... Ты где? Тебе нельзя быть одной, – всхлипнула чувствительная Валя.

– Я иду к маме.

– Немедленно приеду к вам! Поревем, поговорим...

– Спасибо, Валюш. Я не знаю... А твоя работа?

– Да плевать! Смена уже заканчивается. Просидела полдня в тоске – две пломбы и одна чистка. Пустое лето, сама зна-